

18+

Людмила Волынская

Осенняя сказка

Людмила Волынская

Осенняя сказка

«Издательские решения»

Волынская Л.

Осенняя сказка / Л. Волынская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534830-2

Внешне благополучный брак 30-летней героини трещит по швам. Не видя выхода из создавшейся ситуации, она решает взять тайм-аут. Подыскав с помощью подруги временное жилье, она стала невольным свидетелем скрываемых от посторонних чужих отношений, а потом и сама оказалась вовлечена в них, тем самым кардинально изменив свою жизнь.

ISBN 978-5-00-534830-2

© Волынская Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Осенняя сказка

Людмила Волынская

© Людмила Волынская, 2021

ISBN 978-5-0053-4830-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи выдуманы, все совпадения случайны

Глава 1

Резко встряхнув зонт, Лидка открыла дверь, оставив за порогом холод промозглого октября.

Изнутри пахло теплом и уютом. Сняв плащ и нацепив его на крючок вешалки, она сунула ноги в мягкие тапки. Невидимой шалью укутала плечи усталость. Исподволь пробираясь в потаенные уголки сознания, она затопила мрачный Лидкин настрой.

– Уже пришла? – не отрываясь от дела, свекровь бросила на Лидку мимолетный взгляд.

Сидя перед миской, полной краснобоких яблок, в телогрейке поверх старого вельветового халата, в съехавшем на затылок платке, свекровь пододвинула к себе противень, наполовину заполненный яблочными дольками.

Лидка кивнула в ответ. Пристроив на краешке стола пакет, она достала две буханки хлеба, молоко и печенье, купленное после работы в местном магазинчике.

– Зачем зря деньги выбрасывать? – переключив взгляд на телевизор, нахмурилась свекровь, успев-таки заметить это злосчастное печенье. – Я, считай, каждый день пеку. Мало вам?

– Я не каждый день покупаю, – ставя пакет с молоком в холодильник, отозвалась Лидка.

Она и сама не знала, зачем, собственно, купила это печенье. Но и на брюзжание свекрови особого внимания не обращала. За пять лет совместной жизни она привыкла к этому. Да и брюзжание это было отнюдь не обидным, а так, для проформы. Видно, той тоже было сейчас не до кондитерских экзерсисов, так как глаза у нее были на мокром месте.

– Что-то случилось? – насторожилась Лидка.

– Ай... – отведя взгляд, махнула рукой свекровь. Но весь напряженный вид ее говорил о том, что она только и ждет, как бы половчее выдать на-гора это «ай», что она незамедлительно подтвердила: – Предложение мне сделали.

Лидка застыла с видом безмолвного истукана. Жаль, сесть негде было, не то бы бухнулась на пятую точку.

– Помнишь, я к Клавке на прошлой неделе ходила, пару решеток взять? У них широкие, заводские, яблоки на них сушить хорошо, – завела свекровь, не дожидаясь Лидкиной реакции. – Володька ее с рыбалки целое корыто рыбы притащил. Так эта зараза четырехглазая совсем обнаглела. Меня же из моей тарелки ухой угощать вздумала! Что я, своего не знаю? Воду в прудах спускают сейчас, иначе, где бы он столько рыбы наловил?

Лидке не терпелось узнать продолжение, а ту, как назло, на этой рыбе заклинило.

– Ну, рыба, – подтолкнула она свекровь, – и что дальше?

– А, – с готовностью кивнула свекровь, видно, запамятавав, к чему приплела эту рыбу, – хотела я показать ей, где раки зимуют, а тут, как назло, Василь Иваныч зашел. Он когда-то у нас на заводе в ОТК работал.

Лидка выжидательно смотрела на свекровь. Свекровь напряженно уставилась на Лидку.

– И что, Василь Иваныч, – не сдержалась Лидка, – предложение вам сделал, или показал Клавке, где раки зимуют?

– Да погоди ты, – отмахнулась свекровь. – Володька ему – седьмая вода на киселе, но родня. Перекинулись двумя словами, я и ушла от греха подальше. А сегодня – на тебе! Ни с того ни с сего сюда явился! А я не одетая!

Лидка уже не понимала, чему больше удивляться – тому, что какой-то Василь Иваныч заявился сюда, или тому, что свекровь вдруг вздумала ходить нагишом. Второе показалось забавнее.

– С чего вдруг вас в нудизм потянуло? Не май месяц, – поддела она свекровь.

– Чего? – недоуменно бросила свекровь.

– Сами же сказали – не одетая.

– Ай, – с деловым видом отмахнулась свекровь. – Ненарядно одетая, в халате. Понемногу догадываясь, что к чему, Лидка хмыкнула.

– Когда вы себе в последний раз нарядное покупали? – уколола она свекровь, – и не всплакнули ни разу. А теперь?

– Перед человеком неудобно, – засмущалась свекровь.

– Ладно, – понемногу теряя интерес к чужим лямурам, вздохнула Лидка, – чем все закончилось-то?

– Так тем и закончилось, – простодушно ответила свекровь, – предложение мне сделал. Лидка опять оживилась:

– Что, так прямо и предложил – руку и сердце?

– Э-эх... – осуждающе кивая, вздохнула свекровь. – Какое сердце? Пенсию свою предлагал, а она у него вдвое больше моей.

Лидка состроила заинтересованное лицо.

– А жилплощадь в придачу он вам не предлагал?

– А как же, и жить предлагал у него. Только после смерти квартира его внукам достанется.

– Лет – то ему сколько?

– Ну, лет на десять меня старше... Считай, уже за семьдесят.

– Ничего себе, кавалер! – удивилась Лидка. – Такому не жена, а нянька нужна.

– Так нянька-то и нужна, – недоуменно уставилась на нее свекровь, – а кому бы я еще сдалась в мои-то годы?

– А вам он, зачем? Кур да кроликов мало? Или пенсии не хватает?

– Я так и сказала, – печально закивала свекровь, – оно вроде заманчиво, а случись что в наше время, мне к его пенсии придется еще и свою докладывать. Не бросишь ведь живого человека. А квартирку внуки хапнут. Пусть им предложение и делает.

– Ну и зачем вам наряжаться, раз все равно отказали?

– Разве ж я не женщина? – застыв с ножом и яблоком в натруженных руках, удивилась свекровь.

«А ведь и впрямь, – задумалась Лидка о своем, о девичьем, – женщина. Но сколько в ней теперь женского-то? Так пройдет жизнь, а под старость только и останется, что пенсию делить».

Словно читая ее мысли, свекровь поддакнула:

– Вот и радуйтесь жизни, пока молодые.

– Чему радоваться, – задетая за живое, огрызнулась Лидка, – что сыночек ваш вечерами где-то пропадает?

– А что ты у меня спрашиваешь? Ты у него спроси, – отбила атаку свекровь. – Я ему не раз говорила. А ты все молчком, молчком. Вот и нечего на меня пенять. Не я ему эту работу сосватала.

– Так он вам сын, все-таки, – раскладывая продукты, отвечала Лидка.

– Да, сын, – вздохнула свекровь с преувеличенно скорбным видом. – Чуть что не так, он мой. А как мать послушать, так он почему-то сразу твоим становится. А я и не мать вроде, а пятое колесо в телеге. Своим умом живете, своим и разбирайтесь.

– Будет вам, мама, – отмахнулась Лидка, – чем мы вам не угодили?

– Не переживай, – миролюбивее ответила свекровь. – Не из гулящих он. Сама знаешь, не вчера замуж вышла. Потерпи, раз уж вам так хочется машину. Много он заработает, сидя возле твоей юбки?

– Может, и так, – кивнула Лидка, уже сожалея, что затеяла этот разговор.

– А купите машину, постройте гараж, пусть тогда в ней и ковыряется у тебя на глазах, – размечтавшись, свекровь вошла во вкус. Или Лидку успокоить хотела.

Женщиной она была неплохой, да и сына хорошего воспитала. Знать бы только, кто его сейчас перевоспитывать принялся.

Открывая дверь в коридор, разделяющий эти «хоромы», Лидка на ходу обронила:

– Я стирать буду. Соберите, что надо. Заодно и ваше заброшу.

– И-и, ... – махнула рукой свекровь. – Я сама руками перетру. Чего его целый час вертеть? Только материя портится. Я кролика потушила, поешь.

– Не хочу. Вы бы лучше о себе подумали, а не о материи. Привыкли на всем экономить, вроде платье у вас одно, или вы его до гробовой доски носить собираетесь, – ворчала Лидка, направляясь в ванную, которую ванной назвать язык не поворачивался.

Пристраивали ее наспех, боясь не успеть до холодов. Чтобы не слишком тратиться, свекровь созвала живущую по соседству родню. И получилось, как в поговорке: «Скупой платит дважды». Каждый судил-рядил по-своему и хотел, чтобы по его было. В итоге все переругались, а половина ванной так и осталась необложенной плиткой.

Завертелось-закружилось пестрое колесо, деловито забурлила в машине вода.

Все валилось у Лидки из рук, но из вежливости спросила: «Помочь вам?», хоть ответ знала заранее.

– Куда мне спешить? Да и немного осталось, – донесся из веранды голос свекрови. – Завтра еще насобираю. Вон какой ветер, снова попадают. Пропадут ведь, жалко.

Яблоки в этом году уродили на загляденье. Ветки сгибались под их тяжестью. Закатанные в банках компоты, варенье и повидло выстроились на полках в погребе. А яблоки все не убывали. Обычно свекровь продавала излишки на рынке. В этом году продавали их за бесценок, да и те не очень-то брали. Вот свекровь и рассудила, что лучше посушить.

– Как хотите, – ответила Лидка и пошла на свою половину, состоящую из просторной гостиной и не менее просторной спальни.

Им с Иваном этого хватало. Когда по праздникам собиралась родня, стол обычно накрывали в гостиной свекрови. А когда к ним заглядывала молодежь, они обходились без излишеств. Детей у них с Иваном не было, так что волею судеб суверенитет двух родственных государств до сих пор удавалось соблюдать.

Глава 2

Включив телевизор, Лидка уселась в кресло и укуталась пледом. Неотрывно глядя на экран, она все больше погружаясь в свои думы. Постепенно они завладели ею полностью, и взгляд переместился на заплаканное окно. За ним под мощными порывами ветра сгибались ветки сирени, грустила о былом старая развесистая яблоня.

Грустило о былом и Лидкино сердце. Не рыдало, не плакало, а тихо вздыхало. Проливать слезы было, в общем-то, не из-за чего. А вот задуматься стоило. Да еще как призадуматься...

Похоже, корабль их недолгой семейной жизни садился на мель. Ощутила Лидка это около полугода тому назад, когда Иван начал подрабатывать. Как-то случайно встретив бывшего однокурсника, он узнал, что тот открыл фирму по ремонту офисной техники и по старой дружбе заглянул к нему. Тот был холост, спешить ему было некуда, вот и просиживал со своим детищем все вечера. И был не прочь, чтобы кто-нибудь составил ему компанию. Иван для начала по-дружески согласился после работы помогать. Тот по-дружески стал ему приплачивать, так оно постепенно пошло и поехало. Денег в семье прибавилось. Почувствовав, что муж стал отдаляться, Лидка под каким-то предлогом однажды нагрянула к ним на фирму с «контрольной проверкой». Все, конечно, поняли, но вида не подали, даже проявили видимость радушия: угостили кофе с печеньками. Лидка, не будь душой, сообразила, что не вписалась в их компанию. Хоть ребята выглядели стильными и в разговоре казались продвинутыми, но были, что называется, на своей волне, или сама Лидка их не больно заинтересовала. Потому, удовлетворившись отсутствием женского пола, она не стала дожидаться, пока ей на это намекнут. С молодых лет Лидка знала, как каждая копейка зарабатывается да как без нее жить туго, потому и ценила.

Отца с матерью Лидка почти не помнила. Но и от этих воспоминаний до сих пор в дрожь бросало. Собственно, сами факты давно размылись в Лидкиной памяти, но ощущения, порожденные ими, остались. Из детства, которое часто называют безоблачным и беззаботным, Лидка вынесла одно-единственное – чувство голода. Того, что она просто лишний человек в семье, Лидка не понимала. Ее заботой чаще всего было незаметно ухватить что-нибудь со стола да вовремя спрятаться, когда у отца с матерью начинались пьяные разборки. Даже когда отец у нее на глазах с размаху огрел мать табуреткой по голове, и та осталась неподвижно лежать в увеличивающейся луже крови, забившись под кровать, Лидка думала об одном – как бы он и до нее не добрался.

О том, что существует другая жизнь и другие чувства, Лидка узнала позже, когда ее забрала к себе родная сестра покойной матери тетя Катя, жившая в соседнем поселке. Работала она проводником и своей семьи не имела. Но, забрав Лидку, работу поменяла. Вот тогда-то в семилетнем возрасте Лидка впервые и узнала, что такое счастье – когда можно вдоволь поесть, засыпать в теплой постели и знать, что завтра и послезавтра будет так же. Росла Лидка спокойной девочкой. Но и обидеть ее никто не смел. Вмиг в этом тихом домашнем котенке просыпалась дикая кошка. Тетя Катя Лидку не обижала, вот и прижился у нее этот ласковый котенок. И так хорошо им было, так уютно в этой их новой скромной жизни. Росла Лидка, подрастала да и выросла. Лет тринадцать-четырнадцать ей было, когда она поняла это. Взрослыми глазами она и посмотрела на свою жизнь. До чего же серой она показалась Лидке! Комнатка в длинном бараке, полосатый половик наискосок, стол да стулья, кровать да шкаф. И картины на стенах, вышитые тетиной рукой, и салфетки на столе – все это больше не завораживало Лидку яркими красками причудливых узоров. И платьица ее, которым она поначалу так радовалась, тоже были все больше с чужого плеча, от чистого сердца отданные «бедной сиротке». И на том спасибо. Не насмехались соседи над Лидкой, потому что и сами не в роскоши жили. Но у них хоть шансы были изменить эту жизнь к лучшему. У Лидки же ни единого шанса

изменить свою жизнь здесь не было. И с каждым годом все теснее и неудобнее становилось ей в этой серой бедности. Решила Лидка, что надо как-то выбираться из этого болота да свое счастье самой устраивать.

Тогда-то вся их семейная идиллия и закончилась. Стоило Лидке заикнуться об этом, как добрую тетю Катю словно подменили. Возможно, и рассчитывала одинокая женщина, что обласканная и согретая ее теплотой племянница с годами отплатит ей тем же. А получалось, что взять-то, взяла, но отдавать вроде не собиралась. И к чему было возвращаться под старость? К своему одиночеству?

– Сколько волка ни корми, а он в лес смотрит. Вот и дождалась благодарности, – вздыхала тетя. – Правду, видно, говорят: «Не делай добра, не будешь иметь зла». Надо было оставить тебя в детдоме, чтобы счастья этого хлебнула. Может, так быстро не позабыла бы. Потом бы тетке в ножки поклонилась. Жизнь такая тебе не нравится... Мамке твоей тоже не нравилась. И что она нашла там, в чужом городе? Смерть свою. Другие живут, и ничего. Чем он плох, наш поселок? Училище есть. Выучись и работай себе на здоровье. Да и я не вечная. Рано или поздно, а барак этот снесут. И будет у тебя своя квартира. Нет, тебе подавай все сразу! Можно подумать, тебя там ждут не дождутся, чтобы осчастливить. Осчастливить-то, может, и осчастливят. Как только потом со счастьем этим в такой комнатухе ютиться?

Права была тетя Катя, во многом права. Лидка и сама это понимала. Но понимала она, что жизни такой, какой живут здесь «выучившиеся другие люди» ей даром не надо. Однообразие и серость этой жизни угнетали Лидку куда больше бедности. Может, улыбнется Лидке поймать что-нибудь получше, чем матери удалось. Вот устроит жизнь, глядишь, и тете опорой станет. Покачала головой тетя Катя на слова эти Лидкины, но смирилась.

Выбиваться в люди Лидка начала в ПТУ при прядильно-ткацкой фабрике, где позже и продолжила свои дерзания. Дерзания, пожалуй, сильно сказано. Работала, как и все. Зато науку жизни рано постигла, потому что схватывала все на лету. Таким, как она, с наивностью было не по пути. Жила она в общежитии, к тете только по праздникам приезжала. Сначала часто, а потом все реже. Пробиваться дальше она не стала, а красиво жить не расхотелось. Сотрудницы и соседки по общежитию особого восторга у Лидки не вызывали. Каждой хотелось, если не возвращаться в центре красивой жизни, так хоть примазаться к ней. Сколько ни присматривалась к ним Лидка, никак понять не могла – и стильные вроде, и красивые, а простушки простушками. Как это все складно да ладно в песнях получалось: «жила-была обычная девчоночка фабричная»... Жила-была, да и сама не поняла, «и как же оно вышло-то, что все шелками вышито судьбы ее простое полотно». Ох, как же красиво партия вышивала теми шелками, которые советская власть давала. Только узоры-то все больше стандартные получались, как и сама девчоночка.

Со временем все стало меняться. И в стране, и на фабрике. Та же неразбериха. Союз распадался. На фабрике начались сокращения. Каждый новый месяц съедал все большее количество рабочих мест. Дошла очередь и до Лидки. Направили ее на компьютерные курсы, а потом по вновь освоенной специальности – на завод, успешно перепрофилированный согласно запросам нового времени.

Перед Лидкой открывалась новая жизнь. Это она поняла сразу, переступив порог рабочего кабинета. После прежней работы с ее постоянным шумом и изматывающей спешкой эта Лидке показалась раем – чистота и тишина. Зарплата, правда, была поменьше. И квартиру надо было снимать. Но все неожиданным образом обернулось для Лидки удачно, ей удалось подружиться с дочерью самого директора. Ее стараниями и пристроили Лидку в каморке стоящей на балансе у завода гостиницы, где хранился хозинвентарь. Втиснули туда раскладушку, тумбочку, прибили к стене вешалки, и у получилось уютное одноместное гнездышко.

Лидке в ту пору было двадцать три, а Соне, директорской дочери – двадцать. На эту работу они пришли почти одновременно. Пожалуй, именно по этой единственной причине

и стала возможна их дружба. Внешне разница в их возрасте была неощутима. Обе были хороши собой. Лидка была ростом повыше и покрупнее. Коротко стриженные с пепельным отливом волосы обрамляли ее широкоскулое лицо. Лидке и самой нравилось, как природа укомплектовала на нем серые глаза, слегка вздернутый нос и красиво очерченные пухлые губы. Ноги, правда, стройностью не отличались, но она наловчилась скрывать этот недостаток. Соня же была и ростом поменьше, и изящнее. Копна золотистых волос притягивала мужские взгляды, как лучик света ночных мотыльков. Разделенные прямым пробором роскошные волосы тугими колечками обрамляли ее милое заостренное к подбородку личико. Из-под тонких изогнутых длинными дугами бровей иногда томно, иногда насмешливо, иногда вызывающе смотрели зеленоватые глаза. Носик был тонкий и прямой. Тонкими с довольно приятным изгибом были и губы. Казалось, они пребывали в постоянном движении и изгибались по-разному в зависимости от настроения хозяйки. Скорее всего, привычка эта была приобретенной и сознательно отшлифованной до такой степени, что стала частью ее образа. Тонкие изящные ее пальцы были унизаны кольцами. Где бы они вместе ни появлялись, постороннему взгляду легче было выделить Лидку, но когда он останавливался на Соне, ему почему-то хотелось на ней задержаться.

На первый взгляд, довольно странная их дружба была той и другой необходима в равной мере. Они как бы дополняли друг друга. Соня нуждалась в обожателе своей красоты и ума. Завистников у нее всегда хватало. А Лидке важен был не так сам предмет обожания, как то, что кто-то в ее обожании нуждался. Впрочем, Соня свою подругу и дурочкой при себе не держала. Одним словом, в их отношении наблюдался тот баланс расчета и искренности, при котором вполне возможна дружба двух симпатичных молодых девушек.

Хоть Лидка была годами старше и считала себя уже пообтертой городской суетливой жизнью, Соне она заметно уступала. Жизнь их просто обтирала по-разному. Разница в уровне их интеллекта была приблизительно равна разнице между Лидкиным птушным образованием и тремя курсами юрфака, который Соня так и не окончила. Почему так случилось, Соня с Лидкой не обсуждала. Она Лидке говорила далеко не все, лишь то, что считала нужным. Лидке же спрашивать было неудобно. Понимала она, что каждый имеет право на личную жизнь и не обязан в нее пускать всякого, кому захочется туда заглянуть. Есть вещи, которые можно доверить другу, а есть вещи, которые лучше при себе держать. Тогда и жить проще будет. Со временем Лидка и сама во всем разобралась. Очень уж независимым нравом обладала директорская доченька. Вот и взял он ее под свое крыло, попросту, на цепь при себе посадил. Поскольку Сониная мама умерла, когда девочке было всего десять лет, отцу одному приходилось растить свое взбалмошное чадо. Больше некому было. Желающих-то было предостаточно, но не так за ребенком, как за отцом присматривать. А любой ребенок это чувствует моментально. Потому и получилось, что жили они вдвоем с периодически приходящими и уходящими мамозаменителями.

Лидка частенько бывала у них дома, и господин директор, Александр Васильевич, сначала ей просто нравившийся, постепенно стал для нее чуть ли не эталоном настоящего мужчины. Ровно ничего отталкивающего или хотя бы просто малопривлекательного Лидка в нем не находила. На работе-то оно и понятно – директор все-таки. Но он и дома умудрялся выглядеть ничуть не хуже. Хоть и нечасто Лидка там с ним встречалась, но то радушие, с которым он принимал подругу своей дочери, только усиливало его обаяние. Лидке было лестно, хоть она и не строила никаких иллюзий по этому поводу. Предполагать что-либо серьезное по отношению к Сониному отцу для Лидки было равносильно полету на Марс. И то, и другое было одинаково невозможно. Тем не менее, она не могла запретить себе чувствовать. Ей нравилось вместе с ними готовить. При этом они перебрасывались незначительными фразами, которые волшебной музыкой отзывались в Лидкином сердце. А потом все вместе по-семейному ужинали. Пытаясь скрыть усталость после рабочего дня, Сонин отец безобидно подшучивал над ними или на правах старшего давал дельные советы. Впрочем, делал он это ненавязчиво, чем

еще больше покорял Лидкино сердце. Она была благодарна им обоим за то, что приняли ее как свою. Ей было интересно с ними общаться, потому что было за кем тянуться и было к чему стремиться. Лидка и опомниться не успела, как поняла, что влюбилась в Сониного отца. Она старательно оберегала свою тайну, потому и полагала, наивно полагала, что никто ни о чем не догадывался. На работе Лидка виделась с ним не так уж и часто. Встретятся мимоходом где-нибудь в коридоре или к Соне заглянет на минуту. Ничего кроме короткого кивка в такие минуты Лидка от него не видела. Да и не ожидала, впрочем, учитывая разницу в их возрасте и положении. Но сердце ни возраста, ни социального положения не имеет. Вот и влюбляется, в кого хочет. Не зря говорят: «Дай сердцу волю, заведет в неволю». Уже потом, когда сердечная боль немного поутихла, Лидка заметила в себе резкую метаморфозу – за какой-то месяц лет на десять повзрослела. И, посмотрев на себя с высоты нажитого горьким опытом возраста поняла, что рано или поздно так оно и должно было случиться.

Хоть ничего из ряда вон выходящего не произошло. Силой он ее не брал. Да и у Лидки по этой части какой-никакой опыт имелся. Только таких отношений Лидка раньше серьезно не воспринимала. Может, потому, что любви не было, вот и вспоминать нечего было. Выглядело это пошло и примитивно. Зачем она так делала? Да потому, что все так делали.

А с ним все как-то само собой получилось, когда Соню вечером дома у них дожидалась. Долго ли в любящем сердце огонь зажечь? Иногда достаточно одного слова, взгляда, нечаянного прикосновения, и человек уже сам стремится выплеснуть наружу огонь бушующей страсти. На самом деле все очень просто. Все очень просто и было. Для него. Но не для нее. Ситуация получилась банальная – что-то вроде связи барина с горничной. Это даже с большой натяжкой нельзя было назвать романом. Не ожидала Лидка от него каких-то особых знаков внимания, но и полного безразличия не ожидала тоже. Словно ничего не произошло. Но для нее-то произошло! Для нее весь мир перевернулся. Ну, не виноват он был в том, что не любил ее. Так же, как и она не виновата была в том, что влюбилась. Понимала это Лидка. Именно от этого-то понимания было хуже всего, потому что не было даже надежды. Была только ее любовь.

У Сони она перестала бывать. Встречая его в коридоре и чувствуя на себе его мимолетный взгляд, она была сама себе противна – жалкая, униженная не столько его безразличием, сколько этой своей неразделенной любовью. Понемногу выходя из этого шокового состояния, она погружалась в состояние апатии. Соня ее ни о чем не спрашивала. Потому что не знала – думала Лидка. Вообще-то, и отец, и дочь обладали чувством такта. Только вот внешне были совершенно не похожи. Если от мамы Соня получила изящность и пышное золото кудрявых волос, то от отца ей не досталось ровным счетом ничего.

Несомненно, Сонин отец не мог не видеть, как изменилась Лидка, как и не мог не понимать, почему это произошло. И вел себя так с ней не по причине бессердечности, а руководствуясь здравым смыслом. Видел он, как больно ей было, но знал – переболит. И чем больнее сейчас, тем быстрее переболит. Вот только Лидка об этом не догадывалась. Каково же было ее изумление, когда Соня первая заговорила с ней об этом!

– Ты знала, ... – только и смогла она выдать из себя.

Соня тоже ответила немногословно:

– Предполагала, – и совершенно спокойно добавила, – оно по-другому и быть не могло. Не могло по-другому и закончиться. Годы ожесточают человека, и жизнь он воспринимает реальнее. Он не может тебе дать то, чего тебе хочется, потому что не имеет этого. Мужчине, пожалуй, повеситься легче, чем обнажить свои слабости и недостатки. Со мной он живет, а с тобой он играл. Не в него ты влюбилась, душа его для тебя закрыта. И не станет он ее открывать потому, что при всем желании ты понять его не сможешь. Ему, может, еще больнее. Пусть хоть самолюбием утешится. Постарайся с этим смириться. Прости и его, и себя, тогда боль быстрее уйдет. Женщины стремятся к таким, как он, но с такими же потом и страдают.

Найди себе хорошего, молодого. Принцев только в сказках ждут. А в жизни... все они одинаковые. Тебе нужен муж или кроссворд? Вот и найди себе кого-нибудь попроще. Да их и искать не надо. Чем тебе наш Ванюша программист не пара? Я бы себе для семейной жизни именно такого подыскивала. Но я еще погулять хочу, а тебе в самый раз о замужестве подумать. Да и ни к чему в семейной жизни эти страсти-мордасти. Такие браки самые крепкие.

Настоящей подругой оказалась Соня. Как ни верти, а она была права. Любовь любовью, а жизнь жизнью. Смириться, Лидка сразу смирилась. Да и прощать вроде ни себя, ни его было не за что. Но на душе после этого разговора полегчало.

Иван ей и раньше нравился. Да и не ей одной. И смотрелись бы вместе неплохо. К ним он без дела не заходил. Работал обычно молча. Впрочем, при желании мог и поддержать разговор. Рассуждал он здраво и на все имел свой взгляд, но лишний раз его не выставлял и другим не навязывал. Лидка так и не поняла, то ли она ему раньше нравилась, то ли он проникся к ней симпатией, когда почувствовал внимание с ее стороны, но на удочку ее клюнул быстро, хоть и сдержанно. Но вот незадача, даже через полгода их встреч чувство симпатии к Ивану перерастать в любовь не спешило. Так и не достигнув своего апогея, оно осталось на уровне средней степени теплоты. Лидку это устраивало, так как чувство симпатии мало-помалу сменялось чувством привязанности, и она зорко следила, как бы никто не посягнул на ее добычу. А вот Иван клюнул с самыми серьезными намерениями. Именно через полгода это и обнаружилось. Все у них шло своим чередом, как и полагается: разговоры, поцелуи, чересчур быстро перешедшие в интим. И как следствие – знакомство с мамой. Отец его к тому времени умер, и два года они вдвоем жили в добротном частном доме на городской окраине. И во второй раз повезло Лидке. Понравилась она будущей свекрови. Лидка это сразу почувствовала. Женщиной та была мудрой и вмиг сообразила, что ее сыну именно такая жена и нужна – сметливая да покладистая. Похоже, о чистой душе и порядочности своего сына она была невысокого мнения, считая их в хозяйстве непригодными. Да и невестка будущая дала понять свекрови, что посягать на право главенствования в доме не собирается и работы по хозяйству не чурается тоже. Вот так и стали они жить втроем в прямом и в переносном смысле под маминой крышей. Добросовестно лепили семью, а в результате получился «пирожок с ничем».

Глава 3

Лидка устало прикрыла глаза. Должно быть, она немало просидела так. Прятаясь по углам темные тени расплзлись, заполняя комнату зловещим полумраком. Дождь все так же барабанил по стеклу. Ветер терзал ветви деревьев. Страх перед неизвестностью терзал Лидкину душу.

Тихо скрипнула дверь, в комнату заглянула свекровь.

– Лид, ты спишь? – вытянув шею, посмотрела она по сторонам и, увидев Лидку, щелкнула выключателем.

От яркого света Лидка прищурилась.

– Нет, – нехотя ответила она.

– И не ела ничего. Ты не заболела? – свекровь положила Лидке на лоб шершавую ладонь.

Сочувственная теплота растопила в ней лед. Чистыми ручейками омыл он ее душу и заструился по щекам. Почему в жизни все так сложно и несправедливо? В чем перед ней была виновата эта женщина, которую за пять лет совместной жизни Лидка уже на дух не выносила? Боясь повторить мамину судьбу, она терпеливо обуздывала себя, сознательно не сворачивая с выбранного пути. Но она устала жить по уму, ей хотелось жить по сердцу.

– Да не изводишь ты, – словно почувствовала ее мысли свекровь, – никуда он не денется.

– Это от вас он не денется, – шмыгнула носом Лидка. – В любом случае домой вернется.

– Так домой и вернется, – вытерев о фартук руки, свекровь присела рядом с Лидкой на подлокотник. – Не наломай дров сгоряча. Потом и захочешь, не исправишь.

– Какое там, сгоряча? – с раздражением отмахнулась Лидка. – Полгода с ума сходит. Скоро так и меня сведет.

– Так ведь полгода – не полжизни, – грустно покачала головой свекровь.

– А чего мне ждать? Пока старухой стану?

– Молодая ты, потому и глупая, – не обращая внимания на ее тон, вела свое свекровь. – Такие, как он, тоже на дороге не валяются. Не одной тебе мужа хочется. Чего тебе ждать... А уйдешь? Другая схватит, тебя не спросит. Я одну знахарку знаю, помогает в таких делах. Может, на вас порчу навели?

– Да сына вам жалко, – отрезала Лидка. – Можно подумать, на нем свет клином сошелся.

– А-аа, ... – покачала головой свекровь и смерила Лидку насмешливым взглядом. – Рад дурак, что пирог велик. Не хочешь ужинать, ложись. Стирку я развешу, – тяжело поднялась она с кресла. – Где ты еще найдешь свекровь такую? И муж у тебя хороший, и свекровь золотая. Ты еще плохих не видела, вот и не гневи Бога, – закончила она и, шаркая шлепанцами, пошла на свою половину.

Задумалась Лидка. По-своему свекровь была права, да только это добро ей уже поперек горла стояло. Не за свекровь же она замуж выходила. А та ей все время пыталась мужа заменить. Никто им ничего не делал. Все оно и само сделалось. Можно подумать, свекровь этого не понимала или только о Лидке думала. О себе она в первую очередь и беспокоилась. Устраивала ее такая невестка, а другая придет, еще неизвестно, как все обернуться может.

С этими мыслями Лидка разделась и легла в холодную постель. Она уже привыкла так ложиться и засыпать привыкла одна. Ивана, похоже, это не волновало. Но сегодня спать не хотелось. Еще с полчаса были слышны шаркающие шаги за дверью, тихая возня, а потом все стихло. Лежа в непроглядной тьме, слушая монотонную дробь дождя по подоконнику, Лидка думала о нескладной своей судьбе. Почему-то вспомнилась ей тетя Катя. Как она там? Приезжала несколько раз к ним, даже помощь свою по хозяйству предлагала. Но свекровь отказалась. Побоялась, видно, как бы под старость эта помощница к ним совсем перебраться не вздумала.

Они и вдвоем с Лидкой управлялись неплохо. Иван в эти тонкости не вникал. Что оставалось Лидке? Да и тетя это понимала, потому не стала навязываться.

Внезапно шум дождя нарушил позвякивание цепи, послышался ленивый хрипловатый лай. Тихо хлопнула калитка. Наконец-то, вернулся. Согревшейся Лидке лень было включать свет, чтобы посмотреть на часы. Ничего это не меняло. Недолго он и на кухне задержался. Свекровь, видно, тоже не собиралась покидать теплую постель ради блудного сына.

В темноте Иван разделся и осторожно лег. Привык, что здесь его перестали дожидаться.

Какое-то время Лидка молча лежала рядом с ним. Но не выдержала.

– Вань, что происходит? – нарушил тишину ее приглушенный голос.

– Что? – с усталым безразличием послышалось в ответ.

– Вот я и хочу знать – что?

– Сезонные работы закончились, по хозяйству мать управляется. Что не так?

– Я не за нее замуж выходила. В последнее время от тебя двух слов не дождешься.

– Мне после двухсменной работы до кровати бы добраться, – все с тем же безразличием ответил Иван.

Лидка вздохнула и на какое-то время полумрак спальни опять затопила тишина.

Ответь он ей по-доброму, по-человечески, возможно, их разговор пошел бы по-другому и закончился бы иначе. А сейчас, задетая за живое, ее обида вырвалась наружу.

– Ну и работай, – бросила она в ночную тишину, – а с меня хватит.

– Не понял, – жестко, недовольно отреагировал он.

Да, он и впрямь изменился. До неузнаваемости, до необратимости. Все в нем стало чужим и колючим.

– Что непонятного? – включив настольную лампу, Лидка повернулась к мужу.

– В чем проблема? – цепляясь за вопросы, Иван упорно уходил от разговора.

– Проблема в том, что ты закрываешь глаза и, как ребенок, думаешь, что тебя не видно.

Иван тяжело вздохнул и недовольно ответил:

– Чего ты завелась на ночь глядя?

– Я тебя не сказками развлекаю, – отрезала Лидка. – Не хочешь со мной жить, так прямо и скажи.

Иван сел на кровати и какое-то время сидел так неподвижно. Потом встал, не спеша пошел в гостиную и вернулся с пепельницей и зажженной сигаретой. Открыл форточку и снова сел возле Лидки.

То ли от напряжения, то ли от потока холодного воздуха Лидку бил легкий озноб, но она старалась держать себя в руках.

– Какая муха тебя укусила? – смерил он ее раздраженным взглядом.

– Ха! – округлив глаза, с негодованием воскликнула Лидка. – Муха по имени муж! Он меня полгода кусает. И делает вид, что не знает об этом.

– Хорошо, ... – тонкой струей пустив дым, коротко кивнул Иван.

– И не дыми как паровоз! – не в силах сдерживать обиду, не унималась Лидка. Обхватив руками колени, она уткнулась в них подбородком, время от времени поднимая лицо, чтобы бросить очередной упрек. – Нахвтался привычек на работе. Сигареты изо рта не вынимаешь.

– Интересно, где ты нахвталась привычек так говорить? – холодным назидательным тоном парировал Иван.

Их спонтанный баттл грозил перейти в банальную семейную перебранку, но и сдержаться уже Лидка не могла:

– А как ты думал?! Жена стирай, жена убирай, ... – впиалась она в него глазами. – Жена, что тварь бессловесная.

– Точно, – с издевкой заключил Иван, – чем-то змеиным отдает.

– И долго еще ты от своей змеи бегать будешь? – отплатила ему тем же Лидка.

Иван недовольно поморщился:

– Тебе, что, прямо сейчас приспичило выяснять?

– Достали уже эти непонятки.

– Раньше ты радовалась, что денег прибавилось.

– А я тебя подрабатывать не заставляла. Сам пошел.

– Теперь, похоже, ты овцой прикидываешься, – сбив пепел, вздохнул Иван. – Думаешь, мне такая жизнь по кайфу? От нее либо напиться, либо повеситься хочется. Я выбрал третье.

– Детей у нас нет, потому дурью и маешься.

– И, слава Богу, вот тогда бы я точно с ума сошел.

– Да объясни ты толком что-нибудь! – вспылила Лидка. – Что я не так делаю?

– Ты ме-ня не лю-бишь, – глядя ей в глаза, ответил Иван.

– С чего ты взял? – словно пойманный с поличным вор, съёжилась Лидка.

– Люди обычно это чувствуют.

– У меня постельный опыт небогатый. Надо было шлюху найти.

– Не знаю, богатый или нет, но он у тебя был. Чтобы женщине проявлять свои чувства, вовсе необязательно быть шлюхой. Проблема в том, что тебе и проявлять-то нечего.

– Мне просто отвечать не на что. С твоей стороны особой пылкости тоже не наблюдалось.

– Что тебя и вполне устраивало. Ванную плиткой обложить, машину купить, ребенка завести. Зачем? Чтобы ребенок вместе с нами мучился?

– Я раньше все чего-то ждала, – опутив голову, тяжело вздохнула Лидка. – Думала, купим стенку, ковры новые, хрусталь, и жизнь красивее станет.

– Радуйся, я тебе не мешаю.

Задумалась Лидка. Старалась, старалась, и что? Вот и вся благодарность.

– Ловко же ты меня, – протяжно произнесла она и добавила, – жить со мной плохо, а разводиться не собираешься. А отбрось твои слова, и... что? Погулять тебе хочется! И не можешь ты не понимать, что когда-нибудь, да переохочется. Если жена не дура – поймет. А не устаивает – скатертью дорога. – Лидка молниеносно сунула ему под нос кукиш. Ее возбужденный мозг перестал уже что-либо контролировать, и Лидка, сама того не замечая, перешла на крик. – И не надейся! Не выжить тебе меня отсюда до смерти! Одна комната мне по закону положена! – орала она вне себя от гнева.

Какое-то время Иван с каменным выражением лица слушал ее обвинения, потом тихо ответил:

– Ничем ты меня не удивила, – вздохнул он, покачав головой. – С этого ты начала, этим и закончила. С чего вдруг ты делить вздумала? Тебе в двух плохо?

В пылу разгоревшихся страстей они не услышали шаркающих шагов за дверью. Увидели только, как дверь тихо открылась и на пороге в халате поверх ночной рубашки с усталым изможденным видом застыла свекровь. Лидка с Иваном замерли, словно привидение увидели. Но свекровь, похоже, не собиралась объяснять причину своего появления, считая, что это понятно и без слов.

– Да что же это творится?! – всплеснула она руками. – Да чего же вы нормально ужиться не можете?! – грозно сверкнув глазами в сторону сына, продолжала она. – Ты чего это чудить вздумал? Чем тебе жена плоха? Не я тебе ее выбирала, сам выбрал. Вырастила на свою голову. И так для вас, и сям для вас. Привыкли на всем готовом! – она снова всплеснула руками, раскачиваясь всем своим грузным телом. Но вдруг, словно очнувшись, гневно закричала: – Дом мой делить вздумали?! А вы его строили?! Я вам покажу, что кому полагается! Жить сперва научитесь, работнички! Дождалась помощи на старости лет! Не бросишь свои гулянки, сам отсюда вылетишь! – крикнула она сыну и впиалась взглядом в онемевшую Лидку. – А ты дурить вздумаешь, к тетке отправишься! Вот ей и расскажешь, что тебе полагается! Привыкли, что мать одна за всех думать должна! А обо мне кто подумает?! Что смотришь? Сама – ни кола, ни

двора, а туда же! Комнату ей подавай... Комнаты-то мои! А я тебя замуж не звала! И спасибо скажи, что мое пять лет ела, и ни разу я тебя куском не попрекнула! – бросив на прощание гневный взгляд, свекровь махнула рукой. – Да живите вы, как хотите! Вот, что складывали на свою машину, то и делите. Я от вас за эти годы много видела? Со мной вы не делились, только от меня тянули, – хлопнув дверью, она скрылась в гостиной.

Шарканье ее шагов постепенно отдалялось, а потом и вовсе стихло. Ни звука не доносилось с ее половины.

– Не надо опускаться до хабальства, – Иван исподлобья стрельнул в жену хмурым взглядом.

– Какая есть, – огрызнулась Лидка.

– Глупо.

– Может, ума у меня и нет, но сердце-то болит, – припечатала Лидка и, укрывшись с головой, повернулась к мужу спиной.

До чего же тоскливо было на душе. Видно, не прижиться ей здесь. Не была она здесь хозяйкой и никогда не будет. Готовь, что мама скажет, делай, что мама хочет. И машина эта им зачем? Чтобы маму на базар возить. А так оно и будет. За все пять лет только раз на море побывали. Ела бы она каждый день дармовое, как же, если бы не ее руки.

Странно все поворачивалось. Еще вечером у Лидки и в мыслях не было обвинять свекровь в своей не заладившейся семейной жизни. А сейчас получалось, что та во всем виновата. Обида на слова эти так все повернула. Ни кола ни двора... Эти жестокие слова так болели, так ныли сейчас в Лидкиной душе своей правдивостью. В чем она виновата? Да в том-то и виновата, что ни кола ни двора не имела. Как говорится, каждый сверчок знай свой шесток. И все пять лет ее труда и усердия придавил один единственный этот факт. Так оно было, так и дальше будет. Как же, вылетит сыночек из дома своего... Для него мать эту домину и стерегла. А ты сиди и не высовывайся. А попробуешь, так мигом тебе место укажут. И уйти, не уйдешь. Идти-то некуда.

Зацепившись за эту мысль, Лидка отчаянно принялась искать выход из этой безнадежной ситуации. Такой уж она была. Или такой ее сделала жизнь? Какая разница? За нее-то подумать было некому. Как дворняга... Не повезло ей с родословной. Это таким, как Иван да Соня доставался кусок пожирнее. А дворняга и косточке рада. Так было всегда. И глупо скулить по этому поводу.

За пять лет семейной жизни это была, пожалуй, самая серьезная размолвка. Всякое в семье случалось, но чтобы такие слова прямо в глаза бросать... Видно, свекровь и сама уже видела, что из их жизни проку не будет. Вот и защищала сейчас свое добро от голи перекатной.

Какую силу имеют все-таки слова! Ведь именно они выражают мысли и чувства. Ничто, пожалуй, не смогло бы заставить Лидку изменить сейчас свое решение. Сегодня ее загнали в угол, породив в ней тем самым одно единственное желание – вырваться из него.

«Ничего, пусть поживет муженек один, пусть попробует! Привык, что она все время под боком, как пионер – всегда готов! Да и свекровь еще пыл поумерит. Куском своим она не попрекает... А о том, что помыкала невесткой как хотела, не вспомнила. Безвыходных ситуаций не бывает. И мы найдем. Только поискать хорошенько надо. Постараемся, куда нам спешить?» – в темной тишине прыгали Лидкины мысли. А самолюбие-то от этих мыслей так и тешилось, так и тешилось! А как же? Задевать его есть кому, а кто же его, бедное, кроме Лидки самой утешит? Наконец, утешенное да обласканное, оно спокойно вздохнуло и расслабилось. Время-то было позднее, да и самолюбие не железное. Тоже спать хотело.

Глава 4

Проснувшись, Лидка немного понежилась в теплой постели. Так не хотелось выпархивать из теплого гнездышка и лететь... на эту чертову работу.

Вдруг внезапная мысль словно окатила ее ушатом холодной воды, словно пронзила острой стрелой. В памяти всплыла вчерашняя ссора и решение, которое она повлекла за собой. В последнее время она привыкла просыпаться с чувством безнадеги. Мощно вырвавшаяся вчера обида сейчас отступила, оставив неприятный осадок.

«Ничего еще не потеряно», – успокаивала себя Лидка.

Иван спал, зарывшись лицом в подушку. Лидка нажала на кнопку будильника. Надев халат и обув шлепанцы, она пошла в ванную.

Свекровь с непреступным видом гремела у плиты кастрюлями. Но Лидка-то понимала, что этот вид был всего лишь оборонительным щитом, за которым скрывалось чувство обыкновенной неловкости. Потому и произнесла как обычно:

– Доброе утро.

И свекровь как обычно ответила:

– Уже проснулась? – была у нее такая привычка, задавать бесполезные вопросы.

Ощущение натянутости все же мешало им продолжить утренний разговор. Лидка взялась было варить кофе, но первый шаг к примирению был сделан – кофейник оказался полон. Можно было бы поблагодарить, но если начнут расшаркиваться друг перед дружкой, только хуже будет.

Надев старую болоньевую куртку, сунув туфли в глубокие калоши, свекровь вышла на веранду, впуслав в теплую кухню холодную струю воздуха.

Лидка поежилась. Налив кофе, она села за стол и уставилась в окно. Машинально помешивая сахар, она созерцала серое осеннее утро. По небу плыли тяжелые свинцовые тучи. Резкие порывы ветра немилосердно терзали пожелтевшую листву. Она не любила утро в любое время года. По утрам она всегда ощущала душевную тяжесть, а вечера, наоборот, пленяли ее своим очарованием. Видно, так уж она была устроена. Попивая кофе и ощущая, как с каждым новым глотком вливается в нее живительная сила, Лидка сознательно старалась растянуть эти минуты.

– Одевайся потеплее, – донесся с веранды голос свекрови. – Ветер с ног так и сбивает.

– Хорошо, – ответила Лидка, приводя себя в порядок.

И этого она не любила. В молодости хотелось эффектно выглядеть. А сейчас от этого желания остались жалкие крохи – не выглядеть бы хуже других. Надела теплый голубой свитер, узкие черные брюки, так сяк подкрасилась, прошлась расческой по волосам – и порядок.

Как обычно, бросила на ходу:

– Вань, вставай! Слышишь? Просыпайся! – но сегодня не хотелось даже смотреть в его сторону.

Взглянув на часы, она засуетилась. Облачилась в теплое двубортное пальто, бросила в сумку зонт и резко открыла дверь.

Тотчас ее обдало холодной волной. Перекинув сумку через плечо, она закрыла дверь и, сутулясь, побежала к калитке. Свекрови во дворе не было. Кроликов кормила. Захлопнув калитку, Лидка понеслась стрелой по узкой полосе тротуара вдоль кустов и заборов, за которыми в глубине сонных садов прятались дома. Шумел заплутавшийся в листве ветер, да пронзительно каркало воронье.

Не зря она так спешила. Успела-таки вскочить в полупустой автобус. Вот теперь и передохнуть можно. За пять лет успело уже все примелькаться здесь: длинная череда частных домов, местный магазин, пара торговых ларьков, хозяева которых постоянно враждовали

между собой. Железнодорожная полоса со шламбаумом, за которой начинались двух- и трех-этажные дома. Далее следовал главный корпус государственного университета, который еще при Лидкиной памяти назывался попросту педагогическим институтом. Раньше Лидка считала студенческую братию особой привилегированной кастой. По сравнению с ними она казалась себе жалким гадким утенком, которому никогда не примкнуть к стае белых лебедей. Подружившись с Соней, она примкнула к этой братии совершенно иным образом и к своему разочарованию не обнаружила в ней ничего лебединого.

Миновав центральную городскую площадь, автобус поворачивал к мэрии. Здесь в сравнительно новой части города все выглядело респектабельно. Множество фирм и дорогих магазинов привлекали взгляд вывесками и витринами. Перед ними, словно соревнуясь в первенстве, красовались шикарные иномарки. По вечерам здесь всегда былолюдно. Как мотыльки на свет, слеталась молодежь к ярко освещенным барам. Притягивала их красочная вывеска фальшивой жизни. Лидка и сама когда-то не раз попадалась на эту удочку, превращаясь из золушки в принцессу. Когда карета снова превращалась в тыкву, становилось обидно, словно ее обманули. Но обижаться было не на кого. Как говорится: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад».

Внезапно Лидка поймала себя на мысли, что сегодня, куда бы ни упал ее взгляд, память почему-то постоянно убегала в прошлое. Возможно, неосознанно она пыталась сравнить свою жизнь до замужества и после него. А оно разделяло эту жизнь на две разные, словно тот шламбаум у переезда.

Уже с моста, под которым, переплетаясь стальными лентами, сходились и расходились рельсы, Лидка увидела автомобильную стоянку. За ней виднелось здание, в котором находилась администрация завода.

Вот, наконец, и ее остановка. Тридцать метров по тротуару вдоль дороги, еще метров двадцать вдоль сиротливо чернеющих клумб до проходной, обычное « доброе утро», звон ключей в согнутой ладошке и... милости прошу к нашему шалашу.

«Шалаш» был небольшим продолговатым с единственным двухстворчатым окном. Четыре компьютера – по два у каждой стены, вешалка да зеркало рядом с ней. Вот и все царство. По стене поплелся одинокий вазон. Он да в придачу большой красочный календарь на стене хоть в какой-то мере обогащали этот убогий колорит.

Нацепив на крючок пальто, она посмотрела в зеркало. Машинально посмотрела, по привычке. Это Соня могла по полчаса вертеться перед ним и, надо сказать, не зря вертелась.

До начала рабочего дня еще оставалось минут пятнадцать, но Лидка не любила тратить время попусту. Включив компьютер, она принялась разбирать стопку бумаг. Соня явится минута в минуту, ее ждать нечего. Это в Лидкину глушь автобус раз в полчаса ездил. А Соне спешить было некуда. Из центра, где она жила, до завода всего-то три остановки. Любой маршрут к ее услугам.

Руки привычно разбирали листы с таблицами, колонками цифр, сводками, требованиями, накладными, перечнями складских материалов и прочими премудростями, отражающими механизм рабочей жизни. А мысли... Мысли ее вообще неизвестно где блуждали, не спеша собраться в определенное целое. Не приступив к работе, Лидка могла позволить себе такую роскошь.

Дверь резко распахнулась, и тотчас с величественным видом на пороге появилась Соня.

– Привет, – промурлыкала она, одарив Лидку ленивой улыбкой.

– Привет, – ответила Лидка, возвращаясь к начатой работе.

– Ветрище-то какой сегодня, – раздеваясь, поежилась Соня. – Б-р-р!

Повесив свой шикарный плащ рядом с Лидкиным нарядом, она взяла сумочку и, раскрыв ее, устроилась перед зеркалом.

– Что ты там выкрашиваешь? – бросила Лидка, не поднимая головы. – С утра уже раз-малеванная, как кукла.

– Это дорожный вариант, – легкими взмахами кисточки подкрашивая ресницы, пропела Соня. Поморгав глазами, повертев головой, она добавила: – А красота требует времени.

Не отрываясь от работы, Лидка молча улыбалась.

Резко повернувшись, Соня смерила Лидку недоуменным насмешливым взглядом.

– Тебе-то, кто не дает?

– Не вижу в этом смысла.

– Узнаю речи мудрого наставника, – с безразличием, в котором сквозила явная насмешка, ответила Соня и начала старательно подкрашивать губы.

– Оставь мою свекровь в покое.

– Правильно, – грациозно кивнула Соня, – она свое дело сделала. Ученица усвоила урок. Да и действительно, – повернувшись к Лидке, развела она руками, – какая цыплятам разница, как выглядит их наседка? Главное, что кормит. Кстати, твоя маман кроликов на шубку тебе так и не нашшывала? Зима на носу. Пять лет грозитя, а все никак не выродит хоть какую-нибудь кацавейку.

Лидка улыбнулась. Любила Соня поддеть, что и говорить. Но это у нее получалось необходимо.

– Птицу ощипывают, умница, – откинувшись на спинку кресла, с улыбкой ответила Лидка.

Но Соня пропустила эти слова мимо ушей. В самом деле, какая разница – стригут ли, ощипывают ли? Шубки-то ведь и в помине нет.

Переобуваясь, Соня недовольно ворчала:

– Сегодня медведь в маршрутке на ногу наступил...

– Надо ездить на такси, – бросила Лидка расхожую фразу, – а в маршрутках и кроме тебя люди ездят.

– В них хамы ездят, – Соня обиженно надула свои прелестные губки, отчего они стали еще прелестнее. – Вот скажи, почему во всем мире признаком хорошего тона считается извиниться, если задел человека? А мы всю жизнь живем по принципу – сам дурак. Да еще и чем наглее, тем умнее, получается. Радио включила бы, – настроилась она на деловую волну. – Ох, хоть так свежий ветер перемен посетит эту нору, и две канцелярские крысы почувствуют, что их норка всего лишь маленькая точка на необъятных просторах родины, – изрекла она с хладнокровным пафосом и уселась за свой компьютер.

Вообще-то, работали они втроем. Но Вероника ушла в декретный отпуск и вот уже два месяца Лидка с Соней делили между собой часть ее работы, да и часть ее зарплаты, впрочем, тоже.

– Ну-с, чем нас сегодня порадуют? – включив компьютер, Соня посмотрела на два солидных ящика с карточками складского учета. – Это не по нашей части, – с деловым видом сняла она трубку телефона и набрала номер. – Валерий Михалыч? – мило пропела она в трубку, машинально улынувшись при этом. – И вам здравствуйте. Будьте так любезны, не присылайте к нам сегодня свою Дусю. Что? А как ее называть, если это имя у нее на лбу написано? – с видом невинного младенца нагнала Соня. В реакции завсклада Лидка не сомневалась. Но знала она и Соню. Та как ни в чем не бывало продолжала:

– У вас свой компьютер имеется, вот и учите ее на здоровье. Глядишь, к пенсии и выучится. А мне с какой стати ликбезом заниматься? Мне за это деньги не платят, да и с вами, насколько я понимаю, она другой монетой рассчитывается. Звоните куда хотите, – с холодной вежливостью отбила она атаку завсклада, – хоть в небесную канцелярию. Но согласно нашему законодательству человек получает деньги за выполненную им работу. Им, а не за него другими, – закончив свою тираду, Соня с победоносным видом положила трубку.

– Ну что, Лидок, нарыла для меня что-нибудь? Давай, – с деловым видом она взяла стопку документов, отсортированных Лидкой. – Сейчас мы все укомплектуем, как полагается, ... – и заиграла изящными тонкими пальчиками по клавишам.

Их бюро было предназначено для нужд заводской администрации, но пользовались его услугами все, кому не лень было иногда с высочайшего позволения, а иногда прикрываясь им. Эти нюансы никого не интересовали, потому что не для себя просили. Работа есть работа. У них и так было время и кофейку попить, и посплетничать.

Сегодня до обеда они работали молча и усердно. Вчера им действительно эта новенькая кладовщица полдня перевела своими просьбами да расспросами. Им ничего не стоило объяснить новому человеку нюансы предстоящей работы. Проблема была в том, что она и главного-то не знала. Она вообще ничего не знала, словно с Луны свалилась.

Ровно в час, ловко черкнув о пол ножкой, Соня отъехала от компьютера и потянулась.

– Выпьем, дряхлая старушка, сердцу станет веселей, – с улыбкой подмигнула она Лидке. – С кружками у нас полный комплект, а кипятильник сволочи умыкнули, – сорвавшись с кресла, она помчалась в отдел кадров отвоевывать свой кипятильник.

Не успела Лидка достать чашки, кофе и печенье, как вернулась Соня с кипятильником и двумя огромными краснобокими яблоками.

– Проценты, – положив яблоки на стол, Соня принялась пристраивать кипятильник в банку с водой.

– Как ночь прошла? – спросила Лидка, насыпая в чашки сахар.

– Бурно, – поглощенная процессом закипания воды, ответила Соня, – и весьма недурно.

– На свадьбу позовешь? – беззлобно поддела ее Лидка.

– Позвала бы, да женихи перевелись, – грустно вздохнула Соня, но видно было, что эта грусть не то что не изъела ее душу, но даже коснуться ее не успела.

– Спать-то есть с кем, – подперев рукой подбородок, Лидка не сводила глаз с подруги.

– Спят с самцами, которые не спешат стать мужьями.

– Другие живут с самцами, которые неизвестно с кем спят. И ничего, мирятся.

– На себя намекаешь? Что-то новенькое. Петуха на чужих кур потянуло? – удивленно вскинув брови, насмешливо хмыкнула Соня.

– Не новенькое. Не говорила просто, – тяжело вздохнув, пожала плечами Лидка. – Помоги мне квартиру подыскать.

– Все так серьезно? – появившаяся озабоченность на Сонином лице понемногу вытесняла иронию, но Лидке показалось, что это известие не особо удивило подругу.

– Как сказать? – снова вздохнула Лидка. – Надо нам немного врозь пожить. Запутались мы, пожалуй.

– Уведут, ... – разливая кипяток по чашкам, пропела Соня.

– Почему ты в этом так уверена? – в упор посмотрела на нее Лидка.

– Ох... опыт, сын ошибок трудных, подсказывает мне это, – Соня бросила томный взгляд на свою чашку, словно разговаривала именно с ней, а не с Лидкой.

– Мое от меня не убежит, – Лидка вновь изрекла расхожую фразу. Со своими у нее не складывалось.

– Само-то оно, может, и не убежит. Но ноги ему точно приставят. В этом-то уж можешь не сомневаться, дорогая. Сейчас хороший муж на вес золота.

Лидка вздохнула.

– Чужой всегда хороший, пока своим не станет.

– Не передергивай. Маман правильного сыночка воспитала. Со всяким случиться может. Не беспокойся. Она его наставит на путь истинный.

– Не в этом дело, – покачала головой Лидка. – Тошно мне от жизни такой. Послушала тебя когда-то. Не для меня он, Соня, не для меня. И рисковать страшно, и дальше так жить, сил нет.

– Это-то я и сама вижу, – задумалась Соня. – Смотри, Лидок, не остаться бы тебе у разбитого корыта. Одной в тридцать лет тоже несладко будет. Сейчас вон двадцатилетние хищницы с ногами от ушей, с квартирами и машинами ищут-рыщут, и найти не могут. А где уж нам уж... И потом, случись что, меня крайней сделают.

– Да кто об этом знать будет?

– Я к другому веду, глупая. Ты спросила бы, кто тебя обратно примет. Как маман запоет, так твой Ванюша и спляшет. Не тебе с ней тягаться. Ее всегда сверху будет.

– Будь что будет, – мрачно ответила Лидка. – Сейчас мне вообще ничего не хочется.

– А мне хочется, да взять негде, – с печальной улыбкой вздохнула Соня.

– Хоть на неделю, ... – вела свое Лидка.

Соня задумалась. Понемногу отпивая кофе, она задумчиво смотрела в окно, потом плавно перевела взгляд на Лидку.

– Ну, если без денег... Есть один знакомый. Он тоже когда-то здесь работал. Вместе с отцом в КБ начинали. Потом, правда, их пути разошлись. Он один живет. Я к нему по старой дружбе заглядываю. Может, и согласится, не знаю. Одному-то, поди, скучно. Вот мы ему тебя и сосватаем, – оживившись, она подмигнула Лидке. – Мне-то позвонить нетрудно, да смотри, потом не обижайся.

– А женщин каких-нибудь постарше у тебя нет? – с надеждой взглянула на подругу Лидка, с жалкой надеждой.

– Женщины постарше от меня, как от чумы шарахаются. Неужели и я когда-нибудь такой гримзой стану? – Соня даже поежилась от этой мысли. – Лучше молодой умереть.

– Что ты несешь?! – ужаснулась Лидка.

– А что? – в свою очередь изумилась Соня. – Мало я видела, как мужики от старых кошелок нос воротят?

– От своих не воротят, – с непоколебимым видом изрекла Лидка.

– Нет у меня своих, – развела руками Соня.

– Будут.

– Твои слова да Богу в уши. Ладно, Лидок. Позвоню, поговорю. Только... зря ты, по моему, это затеяла. Если дело до развода дойдет, тебя ведь ни с чем оставят.

– А я к ним и пришла ни с чем, – мрачно ответила Лидка. Вчерашнее откровение све-крови вмиг осадило ее амбиции и притязания.

– Ты хоть понимаешь, какую петлю затягиваешь на своей шее? С кем ты хочешь в гордость играть? С жизнью? Она, милая, и не таким рога обламывала. Усмири гордыню свою, – пропела Соня то ли в шутку, то ли всерьез. – Впрочем, тебе виднее. Всем нам тошно. Каждому по-своему. И у тебя, поверь, далеко не наихудший вариант тошноты. Счастье – птица завтрашнего дня. День сегодняшний она посещает крайне редко, да и не задерживается в нем почему-то. Чирикнет, разбередит душу и упорхнет. И ни поймать ее, ни в клетку посадить никому пока не удалось.

– Я не хуже тебя все понимаю, – с раздражением ответила Лидка. – Я его и не искала, счастья этого. Я и сейчас его не хочу. Я хочу просто жить. Без кур, без кроликов и без маман.

– И без денег, – с безмятежным спокойствием припечатала Соня. Нечем было Лидке закрыть эту карту, потому и промолчала.

Коротко кивнув, Соня вздохнула.

– Наша песня хороша, начинай сначала. И сколько бы ты ее ни начинала, вся твоя песенка будет сводиться к деньгам. На дудке играют те, у кого деньги есть. А те, у кого их нет, под эту

дудку и поют, и пляшут. А плясать под чужую дудку всегда тошно, кто бы тебе на ней не играл. Все мы это понимаем, но изменить ничего не можем.

– Ты, кажется, согласилась. Зачем ты опять завелась? – недовольно поморщилась Лидка.

– А затем, что одна ты в любом случае жить не будешь, – Соня налегла грудью на стол и вся подалась к Лидке. – И еще неизвестно, что тебе этот Акакий Акакиевич на своей дудке сыграет.

– Кто? – Лидка удивленно уставилась на подругу.

– Это я так, – улыбнулась Соня. – Аркадий Аркадиевич Нестеров, шестидесяти лет отроду. Холост и, насколько мне известно, таковым всегда и был. Но двухкомнатная квартирка у него все же имеется, и довольно приличная, заметь, квартирка. То история отдельная, родственники помогли.

– Еще неизвестно, согласится ли он, – с сомнением вставила Лидка.

– Смотря, каким боком подмазаться, – махнув рукой, перебила ее Соня. – Впрочем, будешь вести себя правильно, в дурах не останешься. Мужик, он и в шестьдесят – не баба. Захочется ему своим шестидесятником возле твоего тридцатника погреться, может, еще и под твою дудку спляшет.

– Да он мне в отцы годится, – с негодованием ответила Лидка.

– Ладно, давай-ка мы с тобой сегодня поднатужимся да поднажмем, – игнорируя возмущение подруги, сказала Соня. – Заеду я к нему вечером. Потом тебе домой позвоню.

– И как я с тобой разговаривать буду?

– Как Штирлиц. Говорить буду я, а ты молчи да на ус мотай.

Так же молча и усердно они трудились вторую половину дня. Да и расстались, как обычно. Домой ей возвращаться не хотелось. Всем своим естеством ощущая, как ее подхватила невидимая волна, она была не в силах ей опираться, к какому бы берегу ее ни прибило. Все зависело сейчас от одного единственного незнакомого ей человека. А может быть, от Бога.

Пытаясь справиться с нарастающим напряжением, весь вечер Лидка хваталась то за одно, то за другое. Вдобавок ко всему Иван вернулся с работы вовремя. Но Лидка особой радости не проявила. Оба чувствовали себя скованно и неудобно. Ели они молча, не отрываясь от экрана телевизора. Лидке было безразлично, что смотреть, лишь бы ее не трогали.

Соня позвонила поздно, когда развеянное хлопотами напряжение начало спадать. Совладав с волнением, Лидка сняла трубку, совершенно не представляя, как будет говорить. Говорила Соня, да и то кратко:

– Он согласен. На сколько захочешь. Никого не водить, в квартире не сорить. Проспект Возрождения 9, шестая квартира. Если решишь, завтра сутра можешь привезти свои вещи. Только не задерживайся, роботы невпроворот будет. Договорились?

– Договорились, – словно эхо повторила Лидка.

В трубке послышались гудки.

Иван вопросительно посмотрел на Лидку, а свекровь – тут как тут.

– Кто звонил?

– Соня, – ответила Лидка, не собираясь вдаваться в подробности.

Но свекровь именно подробности-то интересовали, потому что из этого разговора она ничего выудить не смогла.

– Чего это Соня так поздно вздумала звонить? – недоуменно пожала она плечами.

Даже Ивана кольнула такая бесцеремонность.

– Значит, надо. Что в этом странного? – недовольно проворчал он.

– Уж и слова вам не скажи, – обиженно поджала губы свекровь. – Спросить нельзя.

– Тебя это касается? – повысил тон Иван.

– Зато тебя касается, – свекровь зло сверкнула глазами в его сторону. – У меня от мужа секретов не было.

- У меня тоже нет, – парировала Лидка.
- Оно и видно, – не думала униматься свекровь. – За весь вечер и двух слов не сказала. Кого после этого домой потянет?
- Можно подумать, меня тянет, – огрызнулась Лидка.
- Свекровь откровенно враждебным взглядом смерила ее с ног до головы.
- Что-то раньше ты не жаловалась, – бросила она камень в Лидкин огород.
- А кто меня спрашивал? – вызывающе ударила Лидка тем же по тому же месту. Откровенно вызывающе.
- Так ведь никто тебя здесь и не держит, – ехидно съязвила свекровь. На свою голову съязвила.
- Я в этом не сомневаюсь, – Лидка смерила спокойным взглядом свою вторую маму. – Того и гляди, к тетке отправят.
- Что вы из-за ерунды завелись? – Иван попытался сгладить углы обострившейся ситуации.
- Я с этой ерундой пять лет живу! – в сердцах крикнула Лидка. – Словно в тюрьме какой-то!
- Это мне же в моем доме рот затыкают?! – негодуя крикнула свекровь.
- Да я сама здесь рта не открывала! – не в силах совладать с обидой, кричала Лидка. – Как же, от доброты вашей нос воротить! Как мама сказала, так и должно быть! Пять лет, как служанкой помыкали, потому и терпели здесь голь перекатную!
- Лидка, Лидка, ... – недовольно поморщился Иван. – Думай, что говоришь.
- Зачем ей думать?! – тотчас ухватила за его слова свекровь. – Забыла уже, как я ее уму-разуму учила?! Ни тебе приготовить, ни тебе по хозяйству управиться!
- Даже в пылу своего гнева Лидка понимала, что в этом свекровь права. И не хотелось несправедливо обижать человека. Но понимала Лидка, что палку этой самой справедливости свекровь давно уже перегнула на свою сторону. Ни к чему это препирательство. Свекровь и сама все понимает, а Иван вряд ли разберется в бабьих заморочках. А если разберется, мама рано или поздно склонит-таки его на свою сторону. Родная кровь... Свои позиции свекровь будет отстаивать на том простом основании, что в своем дворе всякая собака лает. Вот и лаяла.
- Хватит, ... – мрачно бросила Лидка. – Да. Я одна такая плохая, я одна во всем виновата, – обожгла она свекровь мимолетным взглядом. И все-таки не смогла удержаться: – Что-то вы не больно спешили у сыночка выпрашивать, где да с кем он полуночничал.
- Свекровь опешила, явно не ожидая такого поворота.
- О как! ... – не сдержался Иван. – Нашла-таки мальчика для битья! Вешай на него всех собак!
- А чего ты хотел, – Лидка так и брызнула в него злобой, – чтобы голь перекатная тебе в ножки поклонилась, что ты ее своим присутствием осчастливил?! У нее тоже есть гордость! Только тебе на это плевать! – с этими словами Лидка бросилась к шкафу, вынула из-под него большую дорожную сумку и принялась забрасывать в нее свои вещи.
- Не помня себя от гнева, дрожащими руками Лидка швыряла на пол пустые вешалки.
- Уж на это-то я заработала?! Не нужна мне машина и деньги ваши не нужны. Подавитесь вы ими! – кричала она.
- Лидка, успокойся, – не зная как быть дальше, Иван застыл в нерешительности.
- Ты куда это собралась?! – двинула на нее свекровь с грозным видом.
- К тетке! – выпалила Лидка и, оттолкнув свекровь, потащила свою кладь на веранду. Не очень-то и тяжелой оказалась Лидкина ноша. Громоздкой была, потому и неудобной.

Глава 5

Наспех одевшись, Лидка резко открыла дверь и шагнула в непроглядную холодную мглу. Но холода она не ощущала. Встречный ветер всего лишь освежал ее разгоряченное лицо. По мере того как охлаждалось ее тело, воинственный пыл покидал ее взбунтовавшееся сознание. Нет, она ни о чем не сожалела: ни о том, что ушла, ни о том, что произошло это так глупо и некрасиво. Получилось, как получилось. Извечный вопрос, мучивший все поколения людей во все времена: «Что делать?» словно дамоклов меч, навис сейчас над бедной ее головой. Надо было искать пристанище. В том, что Сони нет дома, Лидка не сомневалась. За ней второй месяц после работы заезжал на своем БМВ «богатенький Буратино». Разве Лидка знала, что все так получится?

По мере того как страх все ниже опускал этот меч, в Лидкином сознании все отчетливее вырисовывался номер дома и квартиры незнакомого ей человека. Улицу и запоминать было нечего. Проспект Возрождения – красиво звучало, пафосно, хоть было совершенно непонятно, что из чего возрождалось. Но не до этого сейчас было. Возрождение так возрождение. Только бы дядька с перепуга дверью перед носом не хлопнул. Да и проспект-то этот уж больно длинным был. Где этот девятый номер, поди, догадайся.

Как только маршрутка свернула на этот проспект, Лидка принялась пристально всматриваться в мелькающие за окном каменные глыбы домов. Бесполезно.

Остановив наугад, она вышла из маршрутки и сиротливо застыла посреди широкой безлюдной улицы. Жалкой и беспомощной чувствовала она себя сейчас в этом новом малознакомом ей районе среди сонма высотных домов. Привычная размеренная жизнь, недавно казавшаяся Лидке столь ненавистной, сейчас виделась ей такой желанной и уютной. Но это был уже покинутый рай. А что ожидало ее в этом пугающем безмолвии? Никто ее здесь не ждал, и никому она здесь не нужна была. Ни одной знакомой души... Ссутулившись, Лидка заплакала навзрыд. Но некому было ее слушать. Лишь обжигающий ветер гнал по небу рваные ошметки облаков. Долго она стояла так одна-одинешенька со своей жалкой поклажей. Наконец, излив горе своему одиночеству, она машинально вытерла заплаканное лицо, подхватила сумку и побрела наугад к ближайшему дому. Среди колышущихся голых ветвей густо посаженных деревьев она разглядела номер дома. Побрела дальше. И стоять было холодно, и ждать было нечего. Искала она недолго, девятого номера попросту не оказалось. Приняв это за чертовщину, она машинально перекрестилась. Однако, немного поостыв, она сообразила, что не может за одиннадцатым номером идти седьмой, должен же быть где-то девятый. Он находился в глубине двора и напоминал воткнутый между двумя домами взмывающий в небо шпиль (всего-то на один подъезд).

Поднявшись на третий этаж, Лидка в нерешительности застыла перед дверью. Она понятия не имела, как человеку объяснить свое внезапное позднее появление. Это испытание оказалось самым сложным. Но и другого выхода у Лидки не было. За дверью было тихо, как, впрочем, и во всем подъезде. Собравшись с силами, Лидка нажала на кнопку звонка и, словно обжегшись резким звуком, тотчас отдернула руку. Какое-то время было тихо, но чутким слухом Лидка уловила приближающиеся шаги, и тотчас хриловатый мужской голос резко неприятливо спросил:

– Кто там?

– Лида, – пытаясь совладать с сильным сердцебиением, ответила Лидка.

За дверью на мгновение воцарилась тишина, затем послышался щелчок замка, и дверь приоткрылась. Перед ней стоял не скрывающий недовольства седоволосый мужчина среднего роста в пижаме и в шлепанцах на босу ногу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.